

Гринбаум Д. Г.

ДАЙМОН В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ АСТРОЛОГИИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ

пер. с англ. Г. Н. Зеникова. М.: [Б. и.], 2019. 598 с.

УДК 82-95 (94/38)

DOI: 10.31802/BCA.2021.9.1.011

Появление исследования по античной астрологии — событие само по себе замечательное. До сих пор русскоязычный список авторитетных работ по истории античной религии остаётся сравнительно небольшим. Здесь можно упомянуть переводы книг К. Кереньи об Элевсинских мистериях (2000) и Дионисе (2007), «Греки и иррациональное» Э. Р. Доддса, «На коленях богов» Р. Онианса (1999), «Греческую религию» В. Буркерта (2004), а также трёхтомник Ф. Ф. Зелинского «История античных религий» (2014). Объёмный том Д. Г. Гринбаум, несомненно, относится к приведённому ряду: эта междисциплинарная в самом точном смысле работа отражает последние результаты исследований в области истории античной науки (математики и астрономии), папирологии, истории античной философии и выводит предметную область исследований автора (собственно, историю астрологии) на совершенно новый уровень, что делает её особенно интересной в глазах всех, кто видит в эллинистической культуре актуальный ресурс для интеллектуальных поисков в эпоху «пост-».

Перед нами перевод с английского языка книги «The Daimon in Hellenistic Astrology: Origins and Influence», опубликованной в 2016 г. в авторитетной серии издательства Brill «Античная магия и дивинация» («Ancient Magic and Divination»; vol. 11). Её автор, Дориан Гизелер Гринбаум, изучала классические языки и египтологию в Колумбийском университете. С 1992 г. она преподаёт астрологию и выступает как практикующий астролог. В 2009 г. Д. Г. Гринбаум получила степень PhD в Институте Варбурга (Лондон) и сейчас читает лекции в разных университетах по всему миру, в том числе в Университете Уэльса Святой Троицы и Святого Давида (MA in Cultural Astronomy and Astrology).

Отличительные черты её подхода к античной философии проявились уже в 2005 г. в книге «Temperament: Astrology's Forgotten Key»:

через призму астрологической практики Гринбаум рассматривает античную философию как прообраз современных тенденций в науке. В основе её новой книги лежит диссертация 2009 г., защищённая под руководством Чарльза Бернетта (Институт Варбурга). Автор широко опирается на труды по истории античной науки и религии Отто Нейгебауэра, Дэвида Пингри, Вольфганга Хюбнера, Иоахима Квака (Университет Гейдельберга), Александры фон Ливен (Университет Мюнстера), активно использует онлайн-базу данных истории астрологии Института Варбурга¹ и библиографию, посвящённую теме греко-римской астрологии².

Предметом исследования является влияние культурного, философского и религиозного концепта «даймона» (греч. δαίμων, лат. daemon) на теорию и практику эллинистической астрологии. Слово δαίμων — это вообще ключевой terminus technicus эллинистической астрологии и встречается в ней в двух контекстах. С одной стороны, речь идёт о двух из двенадцати тематических «мест» (τόποι) или, говоря современным астрологическим языком, «домов» гороскопа, которые традиционно именуются агаодаймон («хороший/добрый даймоне») и какодаймон («плохой/злой даймоне»). С другой стороны, имеется в виду астрологическая точка пересечения планетарных влияний, называемая жребием (κλήροι), которая обозначается как «жребий Даймона». В обоих случаях даймоне связан с удачей (τύχη, fortuna). Можно сказать, что даймоне — это один из самых заметных персонажей «занимательной Греции», знакомый по греческой мифологии, теологии, философии и магии, в частности, в форме личного δαίμόνιον — «знамения даймона», на которое ссылается Сократ у Ксенофонта и Платона³.

«Бог философов и учёных» — это высшее и совершенное сущее, которое нужно любить, но которое не отвечает взаимностью. Впрочем, последнее греческому божеству нельзя было поставить в упрёк, ибо тому, кто выше, подобает скорее быть любимым, нежели любить. Эта мысль о безличном рациональном первоначале достигла апогея в этике

1 The Warburg Institute. URL: <https://warburg.sas.ac.uk/?id=470>.

2 Bibliografía de la historia de la astrología grecorromana. URL: http://webdeptos.uma.es/dep_griego/ASTROLOGIA.htm.

3 *Xenophon*. Memorabilia I, 1, 2 // *Xenophon*. Memorabilia. Oeconomicus. Symposium. Apology / trans. E. C. Marchant and O. J. Todd. Cambridge (Mass.); London, 1923 (repr. 1997). Vol. 4. (Loeb Classical Library; vol. 168). P. 2; рус. пер.: *Ксенофонт*. Сократические сочинения. СПб., 1993. (Античная библиотека). С. 39; *Plato*. Apologia Socratis 31d // *Platonis Opera* / ed. J. Burnet. Oxford, 1900 (repr. 1989). Vol. 1. P. 45; рус. пер.: *Платон*. Апология Сократа // Собрание сочинений в 4 тт. / под общ. ред. А. Ф. Loseva и др. М., 1994. Т. 1. С. 85.

стоиков, проповедовавших *amor fati*. Однако в греческой религии всегда существовала потребность в близости божества, которую не могли дать ни звёзды, ни метафизические принципы. Это место и занял δαίμων, ранее обозначавший непостижимое действие высшего существа. Вальтер Буркерт считает, что даймоны обозначают не столько определённый класс божественных существ, сколько особый род сверхчеловеческой деятельности. Они посредничают между богами и людьми, «передавая послания и дары от людей богам и от богов — людям, молитвы и жертвы, с одной стороны, задания и награды — с другой»⁴. Отсюда понятно, что искусство прорицателей и жрецов в действительности всегда имеет дело с даймонами. У Платона в «Законах» боги и даймоны фигурируют как устойчивое словосочетание⁵. Системное учение о даймонах развивает автор «Послезакония»⁶: даймоны, будучи невидимыми, обитают в области воздуха и эфира, но их духовная сила позволяет проникать в мысли людей, принадлежащих области нижних стихий. Кроме того, они имеют возможность вмешиваться в людские дела, поэтому их рекомендуется чтить молитвами. Гипотеза о «даймонах под луной» (ὕποσελήνους δαίμονας ὁράτους) Ксенократа⁷ также не имеет никакого отношения к богу как мышлению мышления (Аристотель), однако отражает переживание зависимости от власти неких духов, с которыми нужно как-то договариваться, а значит, вступать в контакт с помощью различных ритуальных средств, включая астрологические процедуры.

В античной астрологии существовала «техническая» классификация даймонов, которая использовалась с целью эффективного общения и взаимодействия с ними. Найти своего личного даймона в индивидуальном гороскопе рождения выглядело насущной религиозной задачей. Поскольку считалось, что даймоны тесно связаны с судьбой, а астрология как наука и ремесло была нужна в первую очередь для определения судьбы, даймон и астрология в античности шли рука об руку. Связь даймона с судьбой выражалась через предсказания продолжительности жизни, процветания, счастья, а также характера (именно в этом

4 Буркерт В. Греческая религия: архаика и классика. СПб., 2004. С. 556.

5 Plato. Leges V, 738d; VII, 799a; X, 906a // *Platonis Opera* / ed. J. Burnet. Oxford, 1907 (repr. 1991). Vol. 5. P. 156, 225, 358; рус. пер.: Платон. Законы // Собрание соч. в 4 тт. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М., 1994. Т. 4. С. 190, 250, 368.

6 Plato [dubia]. Epinomis 984b–985b // *Platonis Opera* / ed. J. Burnet. Oxford, 1907 (repr. 1991). Vol. 5. P. 450–451; Платон. Послезаконие // Собрание соч. в 4 тт. Т. 4. С. 449–451.

7 Xenocrates. Fragmenta 15 // Heinze R. Xenokrates: Darstellung der Lehre und Sammlung der Fragmente. Leipzig, 1892. S. 164–165. Ср.: Буркерт В. Греческая религия: Архаика и классика. СПб., 2004. С. 557.

астрологическом свете Гринбаум прочитывает и знаменитый фрагмент Гераклита «ἦθος ἀνθρώπῳ δαίμων», «нрав человека — его божество»⁸, буквально: «этос человека — его даймон», вынесенный в эпиграф к Введению). Слово εὐδαιμονία (от εὖ, «хорошо» и δαίμων, «божество») указывало на удел человека и тем самым — коль скоро человек определялся прежде всего как смертный — на его отношение к божественному. Композит εὐδαίμων означает «того, кто получил в долю хорошего демона». В «Илиаде» читаем: «ὦ μάκαρ Ἀτρεΐδῃ, μοιρῇ γενεῆς, ὀλβιόδαιμον» («О блаженный Атрид, ты от рождения получил в долю счастливого демона»)⁹. Если обратиться к этимологии, то мы увидим, что δαίμων — это собственно «тот, кто распределяет долю» (от δαίωμαи — «делить на части, наделять, раздавать»; δαίνυμι — «устраивать пир, угощать»). Даймоны — это верховные существа, которые мыслятся как податели благ, поскольку назначают, подобно устройтелю пиршества, причитающееся человеку. Вырисовывается такая религиозная последовательность: 1) тот, кто раздаёт жребии; 2) сам жребий или сила, которая назначает каждому его участь; 3) индивидуальная жизнь, выступающая в качестве воплощения судьбы¹⁰.

Очевидно, что философские концепции счастья (начиная с Демокрита)¹¹ не находились в оппозиции к традиционным религиозным представлениям, а, наоборот, развивали их и придавали им более авторитетный характер. Д. Гринбаум показывает, что во многом благодаря Платону и его мифу об Эре даймон приобрёл устойчивую философскую связь с концепцией жребиев, и эта связь в дальнейшем получила отражение в астрологической практике использования жребия удачи и жребия даймона (с. 259 и следующие). В частности, эрудит-неоплатоник Порфирий пытается находить личного даймона в натальной карте человека¹².

8 *Heraclitus. Fragmenta* 96 (119). Рус. пер.: Лебедев А. В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб., 2014. С. 187.

9 *Homerus. Ilias* III, 182 // *Homeri Ilias* / ed. G. Dindorf. Leipzig, 1846. Pars 1. S. 56.

10 См.: Михайловский А. В. Этимология счастья // Сократ. Журнал современной философии. 2012. № 4. С. 43.

11 Как показал ещё В. Татаркевич, Демокрит первым из философов связал счастье с внутренним состоянием человека (позитивное ощущение жизни, довольство), придумав для этого ряд терминов — εὐθυμία, «благодушие», εὐεστώ, «благостояние» (см.: Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М., 1981. С. 60).

12 По представлению Порфирия, планета, определённая в качестве οἰκοδεσπότης, хозяйина дома в гороскопе, как бы передаёт дух личного даймона, который сходит вместе с душой, когда она присоединяется к телу при рождении. Подробнее об этом см. ниже.

Вся книга разделена на три части: «Даймон и Фортуна», «Боги и Даймоны», «Жребии и Даймон». В заключении монографии автор выделяет семь сквозных тем (с. 389), которые пронизывают собой все десять глав книги: 1) неразрывная связь между даймоном и фортуной (разрабатывается на материале демонологии Плутарха и учения о личном даймоне астролога II века н. э. Веттия Валента)¹³; 2) взаимоотношение даймона с жизнью (исследуются «хорошие» и «плохие даймоны» в различных средиземноморских культурах); 3) астрология как парадигма детерминизма и/или фатализма; 4) личная судьба и личный даймон; 5) влияние астрологии и даймона; 6) влияние «мифа об Эре»; 7) Порфирий как связующее звено между платоновской теологией и астрологией¹⁴.

Последние, наиболее насыщенные главы книги, представляют собой подробное исследование четырёх астрологических жребиев: Фортуны, Даймона, Эроса и Необходимости, их астрологического и культурного значения. С особенным интересом читается эпилог (с. 384), посвящённый анализу астрологического символизма в кадуцее у Макробия¹⁵. Значительную часть этой объёмной книги занимают десять приложений с изложением различных техник эллинистической астрологии и формул вычисления жребиев Фортуны и Даймона (у Веттия Валента, Антиоха Афинского, Павла Александрийского, Олимпиодора, Юлия Фирмика Матерна).

К сожалению, знакомство со столь важным трудом по истории античной религии серьёзно затрудняется прежде всего крайне низким уровнем перевода. Книга опубликована в Москве без указания издательства и знаков копирайта. Напрочь отсутствует научная и литературная редакция; на читателя обрушивается множество опечаток, которых можно было бы избежать, если бы издательство не поскупилось хотя бы на простого корректора. Непонимание переводчиком значительного числа мест книги огорчает тем более, что слог автора отличается некоторым изяществом. Приведём несколько примеров. На с. 79 читаем: «С Изидой и Сераписом Греческие Птолемеи могли получать небольшое количество Египетской патины». Перед нами буквальный

- 13 Даймон и Тюхе вообще называются «двумя наиболее важными концепциями в греческой философии и религии» (Гринбаум Д. Г. Даймон в эллинистической астрологии: Происхождение и влияние / пер. с англ. Г. Н. Зеникова. М., 2019. С. 304).
- 14 В своём описании даймонической составляющей платонической теологии автор опирается на книгу: Timotin A. La démonologie platonicienne. Leiden; Boston, 2012.
- 15 Macrobius. Saturnalia I, 19, 16–18 // Macrobius. Saturnalia / ed. J. Willis. Stuttgart; Leipzig, 1994. Vol. 1. P. 111.

перевод фразы: «With Isis and Sarapis the Greek Ptolemies could acquire a little Egyptian patina»¹⁶. Эта косноязычная фраза скрывает красивое обыгрывание автором метафоры бронзовых монет, на аверсе которых греческая династия Птолемеев чеканила изображения Сераписа и Изиды, тем самым как бы претендуя на религиозный авторитет в глазах египетского населения.

Далее. Названия работ Плутарха даны курсивом и в английской версии: *Parallel Lives* («Сравнительные жизнеописания»), *On Superstition* («О суеверии»), Платон — автор «Республики», а не диалога «Государство» (все примеры на с. 19). Астролог второго столетия Веттий Валент в русском переводе книги упорно именуется Валенсом (*passim*). Большие отрывки из первоисточников, доступные в ставших уже классическими русских переводах — миф об Эре¹⁷ на с. 282–283 (пер. А. Н. Егунова) или выдержки из «О пещере нимф» Порфирия (пер. А. А. Тахо-Годи)¹⁸ в пятой главе книги — приводятся в переводах с английского языка, что в очередной раз демонстрирует чудовищную некомпетентность переводчика Г. Зеникова.

Транслитерируются английские имена, а испанские и французские оставлены в оригинальном написании: Чарльза Бернетта, Josèphe-Henriette Abry, Aurelio Pérez Jiménez, Джузеппе Безза (с. 3), что наводит на мысль о том, что Г. Зеников вдохновлялся алгоритмами электронных переводчиков. Эту гипотезу подтверждает введенный в Google Translate и DeepL Translator рандомным образом следующий абзац оригинального текста:

«But virtually no secondary literature is devoted to investigating the daimon within astrology (when scholarship in astrology mentions both topics, it is incidental or tangential to the main purpose of the research). I know of no research focused on looking at the actual practice of astrology in relation to the daimon. Furthermore, most scholars of astrology have never practised it and, even if well-intentioned, often do not see, or are unable to appreciate, points of technique which have great bearing on the way astrology uses the daimon and on how this use creates and then affects its influence in other areas»¹⁹.

16 Greenbaum D. G. The Daimon in Hellenistic Astrology: Origins and Influence. Leiden; Boston, 2016. P. 79.

17 Plato. Republica X, 616c–617d. Рус. пер.: Платон. Собрание соч. в 4 тт. / пер. с др.-греч.; под общ. ред. А. Ф. Loseva, В. Ф. Asmusa, А. А. Тахо-Годи. М., 1994. Т. 3. С. 415–416.

18 Порфирий. О пещере нимф // Losev A. Ф. История античной эстетики. Последние века (III–VI). М., 1988. С. 383–394.

19 Greenbaum D. G. The Daimon in Hellenistic Astrology. P. 3.

Перевод Google: «Но практически никакая вторичная литература не посвящена исследованию даймона в астрологии (когда в науке об астрологии упоминаются обе темы, она является случайной или косвенной по отношению к основной цели исследования). Я не знаю ни одного исследования, направленного на поиск в реальной практике астрологии по отношению к даймону. Кроме того, большинство учёных-астрологов никогда не практиковали его, и, даже если из благих намерений, часто не видят или не могут оценить технику, которая имеет большое значение для того, как астрология использует даймон и как это использование создаёт а затем влияет на его влияние в других областях».

Перевод DeepL: «Но практически ни одна вторичная литература не посвящена исследованию даймона в астрологии (когда в астрологической науке упоминаются обе темы, это случайно или по касательной к основной цели исследования). Я не знаю ни одного исследования, сосредоточенного на изучении фактической практики астрологии по отношению к даймону. Более того, большинство исследователей астрологии никогда не практиковало её и, даже с благими намерениями, часто не видят или не в состоянии оценить технические приёмы, которые имеют большое влияние на то, как астрология использует даймон, и как это использование создаёт, а затем влияет на её влияние в других областях».

Перевод Г. Зеникова: «Но фактически никакая вторичная литература не посвящена исследованию даймона в астрологии (когда научное знание упоминает обе темы это является побочным к основной цели исследования). Мне неизвестно исследование, направленное на рассмотрение фактической практики астрологии в отношении даймона. К тому же, большинство знатоков астрологии никогда не практиковали этого и, даже если имели в основе благие намерения, зачастую не видели, или не могли оценить, суть техник, которые имеют большое значение в том, как астрология использует даймон и то, как это использование производится, и затем воздействия его влияния на другие области» (с. 3).

В том же направлении заставляет думать и написание прилагательных «Неоплатонический» (астролог Порфирий), «Месопотамская», «Египетская» (культуры) с заглавной буквы, а также появление слова «джинн» вместо «гения» (genie):

«The concept of the daimon is multivalent and mutable in all Mediterranean cultures. Mesopotamian and Egyptian cultures do not necessarily

differentiate between 'god' and 'daimon' as understood in the West. Both contain the equivalent of what is often described by scholars as a genie or a demon, depending on its positive or negative functions and relative strength in comparison to 'gods'»²⁰.

Г. Зеников: «Концепция даймона многозначна и изменчива во всех средиземноморских культурах. Месопотамская и Египетская культуры не обязательно делают различие между 'богом' и 'даймоном', как это понимается на Западе. Обе содержат эквивалент тому, что часто описывается учёными, как джинн (genie) или демон (demon), в зависимости от его положительных или отрицательных функций и относительной силы в сравнении с 'богами'» (с. 4).

В английском тексте идёт речь о том, что в римской мифологии аналогами джиннов выступали «даймоны» или «гении» (английское слово genie используется как синоним слова jinn).

«Даймон» — это устоявшийся перевод греческого слова δαίμων в новейшей исследовательской литературе. Подобная транслитерация требует пояснений. Обычно к этому приёму прибегают в тех случаях, когда перевод оригинального слова, научного или философского термина средствами родного языка затруднителен в силу большого различия культурных контекстов или по причине большого количества коннотаций, связанных с предшествующей традицией употребления²¹. И в том, и в другом случае слова типа daimon являются самым настоящим герменевтическим вызовом. У исследователей и переводчиков с дореволюционной историко-филологической школой стало нормой использование слова «демон», которым также переводился индоиранский термин deva (лат. deus) применительно к злым духам «Авесты» (в отличие от идентичной индийской номенклатуры «дэв», которая имела, наоборот, позитивные божественные характеристики)²². Например, диалог Плутарха Херонейского «Περὶ τοῦ Σωκράτους δαιμονίου» («De genio Socratis») в переводе Я. М. Боровского называется «О демоне Сократа»²³.

20 Greenbaum D. G. The Daimon in Hellenistic Astrology. P. 4.

21 Д. Г. Гринбаум говорит о «демонизации» даймона, которая начинается в доктринах иудаизма и раннего христианства с акцентирования роли злых даймонов, *духов злобы поднебесных* (Еф. 6, 12), желающих обмануть и развратить человечество. Этот процесс достигает апогея в Средние века. При этом случались и периоды «реабилитации», например в эпоху Ренессанса (Марсилио Фичино) и в XX в. (Карл Густав Юнг).

22 См.: Андреев И. Д. История религий: религии Передней Азии и христианство / под ред. игумена Дионисия (Шлёнова). Сергиев Посад, 2015.

23 См. переиздание: *Плутарх. О демоне Сократа // Плутарх. Исида и Осирис*. М., 2006. С. 325–384.

Своей негативной коннотацией слово «демон» (οἱ φαῦλοι δαίμονες), очевидно, обязано культурному трансферу с языческой на христианскую почву, где оно, начиная, вероятно, с апологетов, стало обозначать падших ангелов, цель которых — совратить и отвести людей от Бога²⁴. В доникейском богословии также активно использовалась идея «сотрудничества» демонов с оракулами²⁵. Эта связь становится понятной из этимологии латинского слова *fatum*. Латинский этимологический словарь Walde-Hofmann указывает на значения оракула и прорицания в качестве первых значений, синонимичных понятию судьбы и участи. *Fatum* изначально происходит, как и слова *fabula*, *fama*, от индоевропейского корня *bhā- со значением «говорить»²⁶. Поэтому отказ от использования слова «демон» в пользу «даймон» продиктован, как представляется, прежде всего методологическим намерением исследователей «взять в скобки» или подвергнуть редукции «фаталистическую» трактовку действия демонических сил, имманентную христианской богословской традиции.

В формативный период христианского богословия церковные писатели выступали против комплекса взглядов, который принято называть «фатализмом»²⁷. При этом активно использовалась скептическая аргументация, разработанная главным образом Карнеадом. В борьбе с фатализмом церковные авторы наиболее часто прибегали к нравственному аргументу, усиливая его другими классическими аргументами: разных судеб, общей судьбы, «варварских обычаев», аргумента «от животных». У представителей школ христианского богословия ближе к IV в. появляются собственно христианские доводы: апелляция к авторитету Священного Писания, указание на действие «демонических

24 *Justinus Martyr. Apologia prima* 58 // PG. 6. Col. 416. Рус. пер.: *Иустин Философ и Мученик, св. Творения*. М., 1995. С. 89.

25 Например, Евсевий Кесарийский разделял учение о том, что демоны могут по звёздам предсказывать будущие события, благодаря чему внушают людям веру в судьбу. Интересное замечание предлагает Г. И. Беневич: «... для Евсевия тот факт, что демоны пользуются методами, сходными с методами астрологов (этот вывод он делает из того, что оракул Аполлона выглядит как астрологический прогноз), — доказательство того, что в них нет божественной силы, а лишь сила ума, подобная нашей» (*Беневич Г. И. Краткая история «промысла» от Платона до Максима Исповедника*. СПб., 2013. С. 68, сноска 257).

26 См.: *Walde A., Hofmann J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1: A–L. Heidelberg, 1938. S. 463.

27 *Денисюк С. В., иер.* Критика фатализма в восточной церковной письменности II–VIII веков. Диссертация на соискание учёной степени кандидата богословия. Московская духовная академия. Сергиев Посад, 2019. С. 16–18.

сил», бессмысленность молитв и почитания Бога для фаталистов, причисляющих себя к христианам; звёздopоклонство астрологов, обожествляющих небесные светила. Наиболее же часто встречаются аргументы о свободной воле человека и действии в мире Божественного Промысла²⁸.

Если автор книги «Даймон в эллинистической астрологии» ставила перед собой задачу — разумеется, помимо решения множества специальных вопросов, связанных с исследованиями по эллинистической астрологии, — обосновать новый общетеоретический подход к проблеме соотношения философии и религии в античности, то ей это несомненно удалось, а именно: обнаруживая влияние египетских и месопотамских представлений о судьбе на эллинистическую астрологию, автор вскрывает слабые места тех концепций, которые считают, что астрология проповедует рок или неизменную судьбу. В этом смысле книга будет интересна прежде всего тем, кто интересуется *различием между фатализмом и детерминизмом*, а также теми решениями, которые были предложены (философствующими) астрологами прошлого.

В современных дискуссиях о свободе воле астрология зачастую используется в качестве мальчика для битья как представитель фаталистического мировоззрения (которое не отличается от детерминизма): якобы астрология предписывает неизменную судьбу, а звёзды являются проводниками *εἰσαρµένῃ* и *ἀνάγκῃ*. Д. Г. Гринбаум различает между жёстким (hard) и мягким (soft) детерминизмом (с. 10). Сам вопрос о детерминизме применительно к астрологии трактуется как *вопрос о сочетании веры в судьбу и свободы воли*. В качестве примера приводится Веттий Валент (с. 38), эклектик, комбинирующий воззрения стоиков и средних платоников. Он верит в провидение (*πρόνοια*), говорит о необходимости поиска добродетели через изучение астрологии и нахождение личного даймона, но при этом отмежёвывается от жёсткого детерминизма в духе стоиков. Выбирая с помощью астрологии следование личному даймону и добродетельной жизни, он обретает *γνώσις* и *πρόγνωσις*, что в конечном счёте обеспечивает получение от даймона *πρόνοια*. Но при этом Валент признаёт, что последствия выбора подвержены судьбе.

Различию двух типов детерминизма у Д. Г. Гринбаум соответствуют греческая концепция судьбы, с одной стороны, и египетская и месопотамская концепции, с другой. Это отличие показывается на примере Изиды (с. 90–91), которая устанавливает законы и определяет

28 В истории антифаталистической полемики встречаются отдельные попытки примирить христианское мировоззрение с элементами учения о судьбе (Бардесан, Ориген, Синезий Киренский), но они имели скорее маргинальное значение.

судьбу (в соответствии с египетской концепцией судьбы), а не предназначает её (это в большей мере греческая традиция). В дальнейшем это оказывает влияние на философию, в частности средних платоников («О судьбе» Псевдо-Плутарха, «Метаморфозы» Апулея)²⁹: всемогущая богиня удерживает власть над судьбой через провидение и способна развязывать узы тех, кто скован εἰμαρμένη.

Автор показывает связь этой эллинистической концепции εἰμαρμένη с египетской идеей Š3j, Шаи, (с. 103–104) — божественного закона, определяющего связь будущих событий с событиями прошлого и настоящего, и месопотамской версией судьбы šimtu, Шимту (с. 109–110) — «личной участи», «доли», которую боги отвели человеку. Отсюда, полагает Д. Г. Гринбаум, один шаг до концепции «удачи», связанной со счастливым случаем, благой фортуной, приданным от рождения духом-хранителем. Иначе говоря, в двух соседних с греками культурных регионах существовали идеи судьбы, не связывавшие людей и богов цепями детерминизма, как это делала классическая греческая εἰμαρμένη с характерными для неё компонентами необходимости и неизбежности. Эллинистическая астрология опирается на египетскую и месопотамскую культуры в целях развития системы прорицаний и прогнозов. Манилий, Трасилл, Валент, Фирмик, Павел Александрийский, Антигон Никейский — все упоминают египетские источники в своих трактатах. Греческие названия для пятого и одиннадцатого мест гороскопа³⁰ также соотносятся с египетскими аналогами, которые связаны с египетскими идеями судьбы. «Эллинистическая астрология, — резюмирует Д. Г. Гринбаум, — является de facto полем битвы за вопрос детерминизма» (с. 115).

29 *Plutarchus* [spuria]. De fato // *Plutarchi Moralia* / ed. W. Sieveking. Leipzig, 1929 (repr. 1972). Vol. 3. S. 445–460; *Apuleius of Madauros*. The Isis-Book (Metamorphoses, Book XI) / ed., trans. and comm. J. G. Griffiths. Leiden, 1975.

30 Пятое и одиннадцатое астрологические места, взятые от метки часа (асцендента), как раз занимает пара Тихе и Даймон. Даймон выступает как своего рода оператор фортуны: он руководит вступлением в жизнь, даёт и забирает фортуны у тех, кто вступает в жизнь. Жребии Тихе и Даймона являются наиболее важными жребиями в астрологическом прогнозе. В гороскопе они расположены зеркально: Тихе сигнифицирует тело, т. е. физическое благополучие и бытовое счастье, связанное с материальными благами; Даймон сигнифицирует душу и отвечает за характер и репутацию. Две благоприятные планеты, Венера и Юпитер, были соответственно отнесены к местам, где пребывают Благая фортуна и Благый даймон. Это обстоятельство также указывает на превосходство Даймона над Тихе, так как Юпитер, с точки зрения астрологов, является большим благодетелем, а Венера меньшим.

Плотин, наследующий средним платоникам, в частности Нумению, считает, что у звёзд есть жизнь, есть разум и что действуют они целенаправленно. Время от времени они могут помогать в предсказании будущего, но предопределять будущее человеческих существ они никоим образом не могут³¹. В девятой главке трактата «Что делают звёзды»³² Плотин упоминает Веретено Судьбы из мифа об Эре, принимает платоновскую мысль о душах, которые даются Демиургом, и страстях, полученных от «блуждающих в космосе божеств»³³. Веретено представляет собой взаимодействие движущихся и неподвижных элементов космической системы — Рока с Необходимостью, — которая с рождением каждого существа начинает плести новую нить, так что всё появляется на свет благодаря ἀνάγκη. Здесь Д. Г. Гринбаум удаётся прояснить весьма тёмный момент, связанный с сочетанием свободы и судьбы в мысли Плотина. Назначенный человеку по жребию даймону, пусть также испытывающий воздействия страстей, но на более высоком уровне, стимулирует и ведёт душу к более добродетельной жизни, то есть помогает контролировать низменные страсти и различные реакции на текущие события. Эта трактовка, профилирующая роль даймона у Плотина, прекрасно согласуется с известным платоновским же убеждением в том, что все действия осуществляет «Я» как лучшая, приближенная к божественному Уму часть человеческой природы, состоящей из разумной души и тела. Душа от рождения помещена в определённую конфигурацию («круг небес»), которая уподобляется сценарию некой пьесы, но то, как будет исполнена данная человеку роль, зависит лишь от него самого. Иными словами, человеческая εἰσαρμένη — это уникальная, а не полностью предопределённая судьба (точно так же, как разные актёры могут играть одну и ту же роль в спектакле различными способами).

Порфирий, ученик Плотина, попытавшийся — в пику набирающему силу христианству — превратить философию платонизма в нечто вроде интеллектуальной религии (с соответствующими теургическими процедурами) для рафинированных язычников, развил идею направляющего даймона, представленного управляющей планетой,

31 *Plotinus. Enneades* II, 3, 3 // *Plotinus. Ennead* II / trans. H. A. Armstrong. Cambridge (Mass.); London, 1966 (repr. 1990). (Loeb Classical Library; vol. 441). P. 62. Рус. пер.: *Плотин. Вторая эннеада* / пер. с др.-греч. и вступ. ст. Т. Г. Сидаша. СПб., 2004. С. 136.

32 *Plotinus. Enneades* II, 3, 9 // *Op. cit.* P. 72–76. Рус. пер.: *Плотин. Вторая эннеада*. С. 136, 142–145.

33 Там же.

называемой οἰκοδεσπότης, «владыкой рождения». Находя сильную планету, связанную со светилами и соотносящуюся со значимыми местами в гороскопе (асцендент, середина неба, одиннадцатое место, жребий Фортуны), астролог совершает своего рода астрологическую теургию — либо для себя, либо для своего клиента. Эта планета становится аналогом личного даймона, который играет определённую роль в освобождении от причинно-следственных (материальных) уз εἰςαρμένῃ: тогда получается, что несомненно счастлив (εὐδαίμων) тот, кто, изучая небесную конфигурацию своего собственного рождения и определяя своего личного даймона, обеспечивает возможность нейтрализовать власть судьбы с помощью жертвоприношений (с. 273–275).

Познавательная сама по себе книга Д. Г. Гринбаум подводит читателя к трём взаимосвязанным выводам, немаловажным для правильной настройки взгляда на культуру греко-римского мира с учётом новых знаний по истории религии. Во-первых, автор убеждает в эвристичности различия между детерминизмом и фатализмом для решения вопроса о сочетании свободы и необходимости³⁴. Детерминизм говорит нам, что, с учётом совокупности причинных обстоятельств в какой-то момент времени, то, что происходит дальше, полностью предопределено. Но фатализм — в том смысле, в каком этот термин широко используется, — притязает на несколько иное, а именно: он утверждает, что всё предопределённое произойдёт независимо от человеческого выбора или усилий. Концепция даймона как посредника и коммуникатора между божественным и человеческим демонстрирует наличие некой интенциональности с обеих сторон, как с человеческой, так и с божественной, — воли богов и человеческих намерений, которые извлекаются из толкования звёздного узора неба. Во-вторых, для эллинизированного человека того времени Тихе, Даймон, Эрос и Ананке³⁵ рассматривались не как безличные проявления космологических принципов, но как божественные, или даймонические, начала. Именно в астрологии космологические функции этих начал доводятся до личностного уровня таким

34 Само различие принадлежит профессору Пенсильванского университета Питеру Струку (Peter Struck), на чьи работы о дивинации в античном стоицизме ссылается автор (*Гринбаум Д. Г. Даймон в эллинистической астрологии. С. 336*).

35 С этими четырьмя астрологическими жребиями ассоциируется кадуцей. Весьма придирчивый рецензент книги Л. Ласло, критикующий и методологические установки автора, и несколько беспорядочную манеру использования источников, считает установление этого факта серьёзным научным достижением Д. Гринбаум (*László L. Review of: The Daimon in Hellenistic Astrology: Origins and Influence by Dorian Gieseler Greenbaum // Aestimatio: Critical Reviews in the History of Science. 2016–2018. Vol. 13. P. 105*).

образом, что проявляется связь космоса с индивидом и укрепляется связь между небесным и земным, духовным и материальным, макрокосмом и микрокосмом (с. 338). В-третьих, связь с судьбой и выбором человека делала «даймонические» начала космоса прогностическим инструментом. Герменевтический уклон поздней античности в полной мере проявился в деятельности астрологов, которые, подобно прорицателям, жрецам и философам, искали способы показать связи между небесным и человеческим, а внутри гороскопа — продемонстрировать власть богов над человеческими жизнями. Мастерство астролога проявлялось в умении находить уникальный метафорический символизм в многогранности значений, предоставляемых астрологической техникой. Идея жребиев, по мнению Д. Г. Гринбаум, указывает на прорицательные истоки астрологии. Они относятся к ноуменальной, символической сфере, где астролог-интерпретатор, подобно даймону, посредничает между мирами богов и людей.

Источники

- Apuleius of Madauros. The Isis-Book (Metamorphoses, Book XI) / ed., trans. and comm. J. G. Griffiths. Leiden: Brill, 1975.*
- Heinze R. Xenokrates. Darstellung der Lehre und Sammlung der Fragmente. Leipzig: Teubner, 1892.*
- Homeri Ilias. Pars 1: I–XII / ed. G. Dindorf. Leipzig: Teubner, 1846.*
- Justinus Philosphus. Apologia prima // PG. T. 6. Col. 328–440.*
- Macrobius. Saturnalia / ed. J. Willis. Stuttgart; Leipzig: Teubner, 1994. Vol. 1.*
- Platonis Opera. Vol. 1 / ed. J. Burnet. Oxford: Clarendon Press, 1900 (repr. 1989).*
- Platonis Opera. Vol. 5 / ed. J. Burnet. Oxford: Clarendon Press, 1907 (repr. 1991).*
- Plotinus. Ennead II / trans. H. A. Armstrong. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 1966 (repr. 1990). (Loeb Classical Library; vol. 441).*
- Plutarchi Moralia. Vol. 3 / ed. W. Sieveking. Leipzig: Teubner, 1929 (repr. 1972).*
- Xenophon. Memorabilia. Oeconomicus. Symposium. Apology / trans. E. C. Marchant and O. J. Todd. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 1923 (repr. 1997). Vol. 4. (Loeb Classical Library; vol. 168).*
- Иустин Философ и Мученик, св. Творения. М.: Паломник; Благовест, 1995. (Библиотека Отцов и Учителей Церкви). С. 31–104.*
- Ксенофонт. Сократические сочинения. СПб.: АО «Комплект», 1993. (Античная библиотека).*
- Лебедев А. В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014.*
- Платон. Собрание сочинений в 4 тт. / под общ. ред. А. Ф. Loseva и др. М.: Мысль, 1994.*

- Плотин*. Вторая эннеада / пер. с др.-греч. и вступ. ст. Т. Г. Сидаша. СПб.: Изд. О. Абышко, 2004.
- Плутарх*. О демоне Сократа // *Плутарх*. Исида и Осирис. М.: ЭКСМО, 2006. С. 325–384.
- Порфирий*. О пещере нимф // *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Последние века (III–VI). М.: Искусство, 1988. С. 383–394.

Литература

- Андреев И. Д.* История религий: религии Передней Азии и христианство / под ред. иг. Дионисия (Шлёнова). Сергиев Посад: МДА, 2015.
- Беневич Г. И.* Краткая история «промысла» от Платона до Максима Исповедника. СПб.: РХГА, 2013.
- Буркерт В.* Греческая религия: Архаика и классика. СПб.: Алетейя, 2004.
- Гринбаум Д. Г.* Даймон в эллинистической астрологии: Происхождение и влияние / пер. с англ. Г. Н. Зеникова. М.: [Б. и.], 2019.
- Денисюк С. В., иер.* Критика фатализма в восточной церковной письменности II–VIII веков. Диссертация на соискание учёной степени кандидата богословия. Московская духовная академия. Сергиев Посад, 2019.
- Михайловский А. В.* Этимология счастья // Сократ. Журнал современной философии. 2012. № 4. С. 40–45.
- Татаркевич В.* О счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981.
- Greenbaum D. G.* The Daimon in Hellenistic Astrology: Origins and Influence. Leiden; Boston: Brill, 2016.
- László L.* Review of: The Daimon in Hellenistic Astrology: Origins and Influence by Dorian Gieseler Greenbaum // *Aestimatio: Critical Reviews in the History of Science*. 2016–2018. Vol. 13. P. 101–114.
- Walde A., Hofmann J. B.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1: A–L. Heidelberg: Winter, 1938.

Александр Владиславович Михайловский